

14 MAR 1982

Закарпатская Правда
г. Ужгород

ЗАКАП

● КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДОРОГОЙ В ЖИЗНЬ

ВЛАДИМИР ЛАДЫЖЕЦ принадлежит к тому поколению писателей, чья юность опалена пламенем Великой Отечественной. Прямо со школьной парты, с выпускного бала тревожной июньской ночью далекого 1941-го — в водоворот войны, драм, трагедий, смерти. До сих пор, с годами, не проходит боль утрат — родных, друзей, товарищей по оружию. До сих пор стоит перед глазами изуродованная вражескими бомбами земля того июньского утра.

Летели быстрокрылыми чайками годы. Давно уже стал бывший десятиклассник с Подолья известным поэтом: на его счету несколько десятков книг. Пробует он свои силы и в прозе. Выходят сборники рассказов для самых маленьких — «Мы и дети» (1962), «Маячок» (1968), печатается повесть «Хрустальные дворцы» (1963). Определяющим тут является то, что прозаик стремится взглянуть в духовный мир ребенка глазами взрослого.

А потом он с группой писателей побывал на целинных землях. Вспомнил, как тут, в казахстанских степях, в годы войны формировались новые танковые колонны, как шли сюда боевые машины от рабочих Урала, как давали приют казахи беженцам с Украины. Тут В. Ладынец, в то время курсант военного училища, увидел и бывшего командира пограничной заставы из Прикарпатья лейтенанта Машину, ныне боевого офицера, и его друга и помощника старшину Алиева. Как в Великую Отечественную всем миром громили фашизм, так теперь дружно осваивали целинные земли. Приехали сюда парни и девчата и из Закарпатья. Так родилась повесть «Рассвет в степи» (1969). Тема войны и мира вплетается здесь в единый посыл всенародного подвига, который снова утверждался советскими людьми на казахстанской земле.

...Как-то В. Ладынец для «Закарпатской правды» попросил написать очерк о бойце-парашютисте из партизанского отряда Героя Советского Союза А. Ткача Василия Когута из села Лопушного на Межгорщине. То, что рассказывал Василий, настолько захватило творческое воображение писателя, что он решил обратиться к прошлому. Василий Когут становится в романе «На перепутье» Василием Корбутом.

— Тема войны манила, звала к себе неотступно, — рассказывает автор. — Не раз собирался сесть за рабочий стол. Но в сердце закрадывались сомнения: что я скажу нового после Симонова, Твардовского, Гончара, Стелымаха, Збанацкого?.. Боялся повториться. Да и живу я еще с теми людьми, которые начали воевать с 1941-го. Суров и праведен суд современников. Он для меня — всего дороже.

А в глазах — расшатанная земля лета 1941-го. Долгие раздумья над темой, изучение документов, исследования, встречи с людьми, участниками событий, с теми, кто был в те времена в венгерской армии, кто перешел через границу в Советский Союз еще в 1939-м, а со временем воевал у генерала Свободы, в Советской Армии.

И вот в 1967 году автор дебютировал первым романом. Назвал он его «На перепутье». И тогда только понял, что произведение не закончено. Судьбы героев не завершены. Второй была книга «Расшатанная земля» (1971), третья, последняя, — «За брестером — рассвет» (1976). В позапрошлом году трилогия В. Ладынца под названием «На перепутье» вышла в издательстве «Дніпро» стотысячным тиражом. В прошлом году в «Совет-

ском писателе» — на русском языке. Орывки из романа печатались в пражском журнале «Дружно вперед», в переводе на венгерский язык. Такова предыстория трилогии, к которой автор шел всю свою творческую жизнь.

«На перепутье» — типичный роман-хроника, в котором строго выдержанной временной последовательностью рассказывается о событиях пяти — шести лет (с 1938 г.) в Закарпатье. Будапеште, в Прикарпатье, в донских степях. Через судьбы людей мы узнаем, что творится в венгерском генеральном штабе и кабинете премьер-министра, в далеком верховинском себе Лопушном и на советской пограничной заставе, в хустской канцелярии «премьера» пона Волюшина и во время кровопролитных боев на Дону зимой 1943-го. В Ладынец в основном мастерски владеет большой и малой кистью, изображая глобальные и локальные события в сложнейший период второй мировой войны, в водоворот которой были вовлечены сотни миллионов людей. На перепутье тех военных смерчей оказались и трудящиеся многострадального закарпатского края.

Одним из центральных персонажей трилогии является простой крестьянский парень Василий Корбут, выходец из горного села Лопушного. Попав на заработки в Словакию, он сначала мечтает об одном: заработать денег, приобрести кузнечный инструмент и зажить себе кузнецом на родном подворье. Но водоворот непредвиденных событий увлек Василия за собой и не дал сбыться его скромным частнособственническим мечтам.

Постепенно парень начинает понимать, что есть вещи намного важнее его кузницы. Под влиянием своего дяди коммуниста Семена Гуцуляка обстоятельство, в которые попадает Корбут, он начинает по-новому смотреть на мир, понимать, где правда, а где кривда. Эти поиски истины и приводят его на советскую заставу, а отсюда — на борьбу с фашизмом. Долгие и трудные дороги к жизни, к счастью своего края вели Василия к победе.

Образ Корбута — самая большая творческая удача автора. Нарисован он в росте новых идейных убеждений, устремлений, в многочисленных связях со своей семьей, друзьями, в отношениях с советскими людьми, в обретении нелегкого, но крайне необходимого жизненного опыта, первых своих учителей — советских воинов лейтенанта Машину, старшину Алиева и многих других. В образе Василия Корбута писателю удалось раскрыть судьбу тех юношей Закарпатья, которые, спасаясь от хортистского режима, переходили советскую границу, а потом с оружием в руках в рядах красных бойцов-освободителей очищали родную землю от оккупантов.

Творческим достижением прозаика является, на наш взгляд, также изображение венгерского полковника Аюша Форкоша, а шире — положения венгерской армии, венгерского народа во второй мировой войне. Полковник Форкош — это представитель высшего командного состава армии, настоящий патриот, который понимает трагедию родного народа, обреченного гитлеровцами на гибель. И Форкош стремится любой ценой спасти своих солдат, обманутых фашистами и хортистской пропагандой, от гибели, сохранить их жизнь для будущего. Вот почему полковника поддерживают прогрессивные офицеры, его уважают солдаты. И Аюш своего добивается. Он ведет воинов на советскую сторону, предотвращая напрасное кровопролитие. В то же время автор

нигде своего героя не идеализирует, не стремится модернизировать. Полковник Форкош — сын своего народа, но и своего класса, времени. Этому веришь.

Одновременно В. Ладынец рисует пестрый круг представителей разных прослоек венгерского народа, прежде всего в армии. Это и предприимчивый карьерист подполковник Мезен, большой любитель наживы Тибор Толван, «благополучный» тихий штабист Маттефи, продажный, аморальный Гейза Нодь и доброжелательная помощница Форкоша дочь Ангела и капитан Кочмарош, начальник штаба полка.

Изображение венгерских солдат и офицеров, трагедия венгерских трудящихся, подталкиваемых фашистами на кровавую, антинародную, бесперспективную войну — едва ли не самое большое творческое достижение прозаика. Автор подошел к изображению драм и трагедий венгерской армии во второй мировой войне с четкой классовых позиций. И показал эти события не однозначно, не односторонне, а в целом комплексе политических, государственных, национальных и психологических перипетий. Такое художественное воссоздание военных и социально-политических событий в Венгрии во второй мировой войне в таких масштабах и деталях мы встречаем впервые в украинской советской романистике.

Хорошо, что писатель не идет на упрощение в обрисовке, скажем, таких сложных фигур, как «сечевик» Лайчук. Человек невзыскательный в вопросах морали и политики, он долго идет путанными тропинками убийцы и мародера, но под влиянием окружения, осуждения народа оказывается вне общества и наконец хочет хотя бы ценой смерти смыть кровавое пятно своей вины. Одновременно в романе резко облачаются буржуазно-националистические политики типа волюшников. Таковы же «духовные» побратимы Лайчука — бандит Черный, староста Колондий — фашистский прислужник, и прихвостень и друг.

Показательны картины и сцены, где нарисована борьба трудящихся Закарпатья за освобождение. Вот, к примеру, крестьяне Лопушного сначала просто бегут в леса, чтобы спастись от хортистов, рыскающих по селам. Но под влиянием таких коммунистов, как Семен Гуцуляк, они создают партизанский отряд. Что новое в произведении, так это то, что писатель показывает, что совместно с закарпатцами против оккупантов воюют и трудящиеся Западной Украины, и бойцы-ополченцы с пограничной заставы во главе с раненым врачом майором Шикаруком и др.

Сквозной в трилогии является тема дружбы народов, пролетарского интернационализма. Вспомним, как сердечно и тепло принимают на границе лопушан лейтенант Машин и старшина Алиев, как подружались с ними на фронтовых дорогах закарпаты Василий Корбут и Юрий Рижко. Или как просят лопушане в 1939 г. советских пограничников «передвинуть» границу чуть дальше, чтобы и их село стало советским. А отношения Василия и еврея Цолы, пребывание Алиева в своем казахском ауле, где живут и украинцы. И все это не художественные иллюстрации, а законы, принципы нашей советской жизни.

Положительно и то, что автор стремится с помощью одной — двух деталей выписать даже эпизодический образ. Хотя, правда, это писателю и не всегда удается, потому что населена трилогия персонажами очень плотно.

Вообще В. Ладынец удалось овладеть огромным историческим материалом и по большей части удачно художественно воплотить его в человеческие характеры и судьбы, убедительно показать, как трудящиеся края в упорной борьбе, возглавляемой коммунистами, с помощью Советской Армии сошли с перепутья неопределенности, горя и слез и пошли по пути счастья, обрели свою родную Отчизну.

Однако это не означает, что «На перепутье» в художественном отношении произведение совершенно безупречное. Как сказано выше, для поэта В. Ладынца это было первое крупное эпическое полотно. Стоило бы позаботиться о композиции произведения, прежде всего — о группировке образов, взаимосвязи сюжетных линий. Тут есть претензии к писателю. Так, скажем, сюжетная линия, связанная с пребыванием польского артиста Юзефа Зелинского и его похождения — совершенно излишняя. Зря старался автор, препровождая сына торговца из Гуменного — Цолы из Словакии в Ужгород, оттуда в Лопушное, потом через границу на Подолье и затем уже в Казахстан, а отсюда — обратно. Это уже почти приключения Мюнхгаузена... А можно ли поверить автору, что люди, бежавшие в леса, каждую ночь, спускались в село, обходя жандармские и солдатские посты, и понемногу вспахали и засеяли свои нивы (?). Человек — не гном! Иногда поступкам персонажей не хватает психологической мотивации. Их психология проявляется тогда таким образом: «Василий скрежетнул зубами и начал мять пальцами пожухлую траву». Или: «Федор заговорил медленно, с передыхом, потому что увязывал в одном своем мысли. А они трепыхались, словно перепелки в сетке, налетали, обгоняли и, наконец, сбивали друг друга (?). А вот как ведет себя пленный граф: «катался на суковатых досках пола, рвал на себе волосы и визжал, как недорезанный поросенок...». Крестьянин Быкань «получил такой тумак под левое ребро» от жандарма, что даже присел.

В. Ладынец охотно использует в повествовании приключенческие элементы. Но иногда ему изменяет чувство меры. Вспомним хотя бы приключения «сечевика» Лайчука или любовные похождения Цолы и сестры Беллы. Целая Одиссея! Кстати, женские образы не всегда удаются прозаику. И тогда вспоминаешь М. Стелымаха, О. Гончара. Они дают хороший урок, как надо писать женщин. Манера повествования романиста — строго реалистическая. Ей иногда не хватает других полутонов и нюансов, особенно, как это ни странно для поэта — лирических, а может, и подтекста, юмора, сатиры, не объективная и портретная дискредитация отрицательных персонажей. Это уже пройденный этап.

И последнее. Трилогия В. Ладынца «На перепутье» — это событие в литературной жизни области. Свое достояние место занимает она и в современной романистике республике. И все-таки — это уже прошлое нашего края. Кстати, многие писатели хорошо уже освоили тему досоветского Закарпатья. Читателя же не меньше интересует современный Василий Корбут. Что с ним было дальше, после 1945-го? Наверное, уже дети его стали агрономами, врачами, учеными, героями труда. Как живут они ныне? Как сложилась их судьба теперь?

В. ЧУМАК,
доцент кафедры украинской литературы Ужгородского государственного университета.